

Наталія Побірченко

ЗАГАДКОВА СТОРІНКА РОДИННОГО ЛІТОПІСУ РИЛЬСЬКИХ

Заметеного снігами січневого дня **1861** року в маєтку Розеслава Рильського в селі Маковиках Сквирського повіту порядкували жандарми. Обшук проводила група досить високих чинів, спеціально направлена Київським військовим Генерал-губернатором князем Васильчиковим. У ту пору влада була налякана спалахом громадського просвітницького руху у стінах університету Святого Володимира. В розповсюдженні нових ідей не останню скрипку грали студенти-брати Тадей та Юзеф Рильські з досягнень в жандармське управління, писалося: «общество с некоторыми студентами польского происхождения, стараются сблизиться с помещичьими крестьянами и внушают им вредные мысли о равенстве и свободе». А що були ці студенти синами багатого і впливового поміщика – шляхтича Розеслава Рильського, то справа набула розголосу. Генерал-губернатор зайнявся нею особисто: пильно перечитав доноси на Рильських і відіслав у маєток групу з обшуком. Роботи твердолюбим чинам вистачило – перевернули величезну родинну бібліотеку. Серед вилученого значиться папка з історичними документами архіву Рильських. Документи, звісно, знаходились у бездонних нетрищах Третього відділення і важко сподіватися, що колись таки віднайдуться додаткові відомості з минувшини цього славного роду.

Життєпис родини Рильських – то яскравий рядок в історії культури України і Польщі. Видатні імена, драматичні колізії і високе служіння національній ідеї за будь-яких історичних умов – це про Рильських, навіть, якщо згадати дві постаті – просвітителя, етнографа і публіциста Тадея Рильського і найвидатнішого українського поета **XX** століття, академіка Максима Рильського.

Перша згадка про «гніздо» – село Рильське поблизу нинішньої Рави Руської датується **XVI** століттям. Збереглось кілька документальних свідчень і спогадів про рідну позицію представників роду Рильських під час заснування Люблінської та Берестейської уній, в період краху Речі Посполитої. У спадок передавалась у Рильських пошана до освіти і культури. В домі Рильських у всі епохи перебували видатні люди. Досить згадати імена художника Де ля Фліза, літераторів Міхала Грабовського та Северина Гоцинського. Друзями Тадея Рильського були В. Антонович – відомий історик, етнограф, відомий

український діяч П. Чубинський – учений, дослідник і автор гімну «Ще не вмерла Україна».

В день обшуку у маєтку Рильських дивом уцілів і не був конфіскований дуже цікавий документ з родинного архіву. Це – спогад сучасника про події селянського повстання, що ввійшло до історії під назвою Коліївщина. А сучасником цим був Ромуальд Рильський, що доводився прапрадідом по прямій лінії уславленому українському поету Максиму Рильському. Свої спогади пан Ромуальд вже на схилі літ передав дорослим дітям – сину Теодору, донькам Гонораті і Юзефі. Все, що розповів батько, було ретельно занотовано і більше, ніж півстоліття зберігалось б сімейному архіві.

В історії цього документа багато цікавих супутніх деталей. Ромуальд Рильський, **14**-літній хлопчина, навесні **1768** року, коли назрівало гайдамацьке повстання, навчався в училищі Базиліанського монастиря в Умані. Святобогородицький монастир (кляштор) чернецого ордену базиліан заснований в Умані у **1765** році. Серед фундаторів монастиря числиться граф Францішек Салезій Потоцький, власник Уманського маєткового ключа. Землевласник передав монастирю у вічне володіння два села – Гродзенівку і Монастирок, що давали високий дохід. До того ж граф допоміг одноразовим грошовим внеском – спеціально для заснування при кляшторі навчального закладу. Так у перший же рік існування монастиря відкрили шестикласне училище, розраховане на **400** учнів. Кляштор і училище містились на території уманської фортеці. Перші його будівлі були дерев'яними, згодом, уже після трагічних подій Коліївщини, граф Потоцький спеціально запросив до Умані відомого будівничого, архітектора Шафранського для відновлення фортеці. Тоді ж заклали будівлю базиліанського училища у два поверхи, зі стінами півторааршини і товщини. Споруда уціліла до наших днів, зараз її почали реєструвати у рамках програми історико – архітектурного заповідника «Стара Умань». Юний Ромуальд Рильський був одним з перших учнів базиліанського училища. На його долю випали трагічні випробування, але судилося уціліти. Багатьом ще його старшим друзям по училищу довелося взяти до рук зброю, захищати фортецю у дні облоги і штурму.

Пізніше базиліанське училище перевели

до розряду вітських навчальних закладів. Розквіт його припадає на початок XIX століття. Тоді це був один з найвидатніших центрів освіти південно-західного краю імперії. Досить сказати, що саме в його стінах навчалися три поети – засновники «української школи» в польській літературі – Богдан Залеський, Северин Гощинський і Міхал Грабовський. «В польсько-українських стосунках ми стоїмо перед великим явищем, особливим явищем, подібного якому немає на світі. Я маю на увазі «українському школу» польської поезії...» зазначив класик польської літератури XX століття Ярослав Івашкевич.

Северин Гощинський, автор поеми «Канівський замок», що відтворює трагічні події народного повстання. Без сумніву, багато подробиць про Коліївщину він почерпнув під час навчання в Умані. А в 1824 році, вже після училища він став домашнім учителем вдома сквирського маршалка Теодора Рильського, виховував його малого сина Розеслава. Звісно, тут йому стали відомі пригоди під час Коліївщини, які довелося пережити Ромуальду Рильському. Пізніше, коли С. Гощинський потрапив в опалу через написання твору «Дума на руїнах Вітчизна». Рильські опікувалися поетом. Якийсь час він жив у маєтку матері маршалка старої пані Рильської у селі Покришеві.

Інший відомий польський поет і друг С. Гощинського М. Грабовський підтримував дружні стосунки вже з сім'єю Розеслава Рильського у 50-х роках, коли стали студентами сини пана Розеслава Тадей і Юзеф» А при обшуку знайшли переписані рукою діда Теодора Залеського вірші Б. Залеського.

Тадей Розеславович Рильський – маловідома, але знакова постать в історії українського просвітництва. Хвиля відлиги 60-х років захопила його в роки студентства. Він був одним із засновників гміни – гуртка студентів польського походження. Але згодом захопився ідеями «хлопоманів» – прихильників просвітництва селян. Об'єднавшись в українську громаду, ці молоді люди навіть називали себе «поляками – українцями».

І за це їх стали різко осуджувати, в польському середовищі, звинувачуючи мало не в зраді національних інтересів. У гміні назрів розкол. Коли зібрали збори всіх студентських гуртків і «хлопомани» – серед них такі відомі імена, як В. Антонович, В. Василевський, Б. Познанський, Т. Рильський відмовились поділяти ідеї шляхтянські ідеї поляків. Хоча всі майже всі вони були самі були з польських родин. Найбільш зрілий серед гурту В. Антонович висловився дуже чітко: «їж ти серед українського народу і ні злитися з ним, не відчувати його національних інтересів, значить бути трутнем, паразитом; що в Україні... як ніде збігається ідея націоналізму з демократи-

змом. Бути демократом, стояти на боці народних інтересів і не бути патріотом – українцем аж ніяк не можна».

В студентські роки Тадей Рильський і Володимир Антонович обійшли десятки сіл Київської губернії, записували пісні, слухали кобзарів, спілкувалися з селянами. (Один з перших доносів на Рильського був за те, що він у гурті селян читав їм поему Шевченка «Наймичка»). Спілкувалися з людьми, цікавились звичаями. Цього було досить, щоб у середовищі польської шляхти тобто фактично серед знайомих, родичів юнаки дістали славу заколотників – їх навіть називали майбутніми Гонтою і Залізнякам нового часу. Дуже важко довелося його батькові: пан Розеслав свого часу підтримував студентську «гміну» навіть дав гроші В. Антоновичу для поїздки за кордон. Заохочував синів, які цікавились сільським господарством, разом з селянами працювали в полі, на косовиці скиртували сіно. Однак все змінилося після того, як Тадей пристав зі своїм гуртком до Київської громади. Рано і трагічно помер молодим син пана Розеслава Юзеф. Після реформи кріпацтва і придушення польського повстання в 1863 році погіршилися матеріальні справи. Батьку довелося розділити маєтки між спадкоємцями, щоб уникнути банкрутства.

Тадей Розеславович саме через свою політичну позицію змушений був відмовитися від наукової і службової кар'єри і на все життя залишитися господарювати в невеличкому маєтку у селі Романівка. Він у всьому був послідовний своїм поглядам. Як згадує О. Левицький, під час перевірки Уставних грамот, «у Романівському маєтку вона була зроблена з такими вигодами для селян, що спричинила відверте обурення сусідніх поміщиків, а один посесорів послав донос на молодого Рильського і місцевого посередника його університетського товариша В.М. Юзефовича, намагаючись їх виставити явними комуністами».

Залишившись на порівняно невеликому земельному наділі Тадей Рильський вивчає агрономію, передовий на той час метод ведення господарства і все це застосовує не тільки на своїх полях, але й навчає селян. І дійсно, судячи за даними статичних збірників кінця XIX століття, в Романівці врожаї, господарські показники були помітно вищими в порівнянні з іншими селами. Оце і була та реальна користь, якої прагнув для людей Тадей Рильський обираючи стежку в народ.

В Романівці він заснував школу, і не тільки утримував її, але й багато років вчителював. Це при тому, що школа була для православних, мала статус церковно-приходської, а уроджений поляк Тадей Рильський – католиком. Це теж спричинило неприємності «Сердечна опіка поміщика Католика про благополуччя православної сільської школи найбільше, очевидно, непо-

коїла довколишню польську шляхту, і у 1880 роках за її доносами виникла слідча справа по звинуваченню Рильського у неблагонадійному спосібі думок і дій» – писав О.Левицький.

У Романівці Тадей багато писав – цими роками датовані цікаві його публіцистичні розвідки. У 1887 році на сторінках журналу «Київська Старина» він опублікував спогади свого прадіда про драматичні події під час селянського повстання, з власним коментарем. Вражає справедливість оцінок і неупередженість авторів у викладі подій, особливо, коли взяти до уваги, що це – позиція потерпілих, і розповідають вони про свої нещастя.

Овдовівши, Тадей Розеславович одружився вдруге з романівською дівчиною, селянською донькою Меланією Чуприною. І весілля було за всіма звичаями – це теж закидали йому вороже настроєні сусіди. В 1895 році в сім'ї народився син Максим – майбутній поет. Старший син пана Тадея Іван Тадейович був відомим перекладачем 1 українсько-польським культурним діячем.

Сьогодні ми пропонуємо нашим читачам спогади одного з представників родини Рильських – Ромуальда Рильського – прадіда Тадея Рильського, які, на нашу думку, можуть представляти інтерес для педагогів, істориків, етнографів, всіх тих, хто цікавиться проблемами історії культури, освіти, науки нашої держави.

РАССКАЗ СОВРЕМЕННОГО О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ С НИМ ВО ВРЕМЯ «КОЛИВЩИНЫ»

Между бумагами покойного деда моего, Федора, находится прилагаемая здесь в дословном переводе с польского записка о приключениях отца его, Ромуальда, во время «Колиивщины». Она списана сыном, Федором, со слов отца на основании записок, которые делал он и его сестры во время рассказа, что и выражено в рукописи. Весь рассказ ведется от первого лица с очевидным желанием восстановить его в форме, в которой он был устно высказан.

Рассказ относится ко времени, когда, по словам поэта, «замучены руки розвязались – и кровь за кровь, и муки за муки». Над головой рассказчика пронеслась гроза событий того времени, но он вышел из них благополучно. 14-тилетний мальчик поляк, ученик базилиан бежит из обреченного на гибель Умани и отыскивая убежище, наталкивается на суровые проявления народного возбуждения, но в конце концов из тех – же «замученных рук» получает и пищу и одежду, в сердцах людей противной среды находит и человеческое сострадание к его личному печальному положению». В родном селе Соколове он, вместе с другими, подпадает гроз-

ной народной расправе, но его спасает любимая народом песня: «Пречистая Диво – Мать русско-го краю», которую он изучил у базилиан и которую поет, привязанный к столбу для расстрела. При звуках этой песни казачий старшина проливает слезы и дает помилование остальной, обреченной на казнь, шляхте и евреям.

Эти черты человечности среди возбужденной в высшей степени народной массы проливают смягчающий свет на общую грозную картину восстания и составляют, полагаю, небесценные указания для изучающих коллективную народную психологию.

Не лишенным интереса кажется мне и общий тон рассказа. Рассказ ведется с той степенью объективности, которую трудно было предположить у человека, которого в жизни угрожали данные события.

РАССКАЗ СОВРЕМЕННОГО

Это, конечно, не объективизм социолога, изучающего данный момент общественной эволюции – это объективизм простого, незатейливого человека, смотрящего на факты во всей их простоте. Объективизм этот истекает, кажется, из двух источников: частного и более общего, но тот и другой представляют некоторый общественный интерес.

Рассказчик поневоле столкнулся ближе с народной средой, а добрая половина предрасудков отделенных общественных групп вытекает из незнаний народной жизни, что не мешает тому, чтобы и в наше время в глазах весьма обширной публики всякая серьезная попытка изучить ее представлялась чем-то особенно предосудительным.

Но личное впечатление рассказчика не устраняют в нем мировоззрения его среды и времени. Сблизившись с народной жизнью поневоле, он не извлекает из данных обстоятельств материала для сознательной переработки своего общественного мировоззрения: он не расстается с сознанием своей, отдельности от «простацтва», для него вполне ясно, что его нельзя смешивать с людьми «простой кондиции», доброта крестьян и их расположенность к господам для него однозначащи, но он с видимым удовольствием подчеркивает обращаемые к нему слова: «добре по-нашему говоришь», он трогается проявленными личной доброты, по отношению к нему, для него вполне понятна защита его родственницы гайдацким атаманом, в виду ее доброты для бедных и защиты крестьян от наказаний пана. Одним словом для него и данный легальный порядок, и данная ему реакция представляются, так сказать, в порядке вещей.

Мировоззрению этому не достает созна-

нія о переходности данного порядка вещей и потому оно страдает односторонностью, предполагая инстинктивно принцип, которому противоречит вся история человечества, принцип неподвижности общественных отношений отдельного исторического момента.

Но действительно – ли мы ушли так далеко от подобного мировоззрения? Не ограничивается – ли вообще наш эволюционизм преимущественно применениями к отдаленному прошлому? А по отношению к данному, специально местному общественно – национальному антагонизму представляется – ли мысли современного нам общества удовлетворительный исход? Не извлекаем – ли мы из прошедшего более традиционных инстинктов, чем уразумивания общего направления жизненных явлений? Ясно – ли для нас, что антагонизмы отдельных общественных групп могут быть исчерпаны только дальнейшим разливанием той демократизации общественных отношений, постепенное усиление которой представляется и как результата наблюдения прошедшего, и как этический постулат развивающейся человеческой мысли?

Не будем же слишком горделиво смотреть на мировоззрение отошедших поколений; пусть лучше изучение условий их общественной жизни и того ряда преобразований, которому она подверглась, послужит для нас материалом для уразумевания современности и некоторого предвидения будущего.

Эту работу мысли вызывает неминуемо всякое серьезное изучение истории. Прилагаемый здесь рассказ, может быть, составит маленькое привнесение к материалам этой науки.

Фадей Рьльский.

Однажды лица, находившиеся в доме родителей моих, обратились к моему отцу с просьбой, чтобы он им рассказал о своих приключениях во время Уманской резни. Мой отец удовлетворил их просьбу и, призвав меня и живших в то время моих сестер, Гонорату и Юзефу, рассказал следующее:

«Я воспитывался в уманской базилианской школе; мне было тогда лет 14. Так как я имел голос хороший и сильный, то я часто пел во время богослужения. В тот день, как взбунтовавшиеся казаки приблизились к Умани, я вместе с меньшим моим братом Антонием прислуживал при богослужении в униатской церкви священнику униату, Евстафию Тарнавскому (священник этот вместе с другими униатами подписал в 1768 г. 22 декабря манифест, помещенный в житомирских актах, в котором рассказывается о тирании гайдамацкой и о влиянии игумена Мелхиседека Яворскаго, проживавшего

в мотронинских лесах). В то время Евстафий Тарнавский жил за городом. Во время богослужения казаки ворвались в церковь, при виде их все пришли в трепет. Я уповал только на Бога, к которому и обратился с горячей молитвой. После богослужения я взял миссал, мой брат, Антоний, орнат и другие ризы и мы вышли вместе с священником из церкви. Нам приходилось проходить около палисада, окружавшего Умань. Там стояла казацкая стража. Священника пропустили, но нас задержали и направив на нас копья, сказали: «а то ляшки, чортови диты», но священник сказал, что мы его домашние и таким образом спас нашу жизнь. Когда мы пришли домой, священник сказал нам: «я не могу вас припрятать, так как я и сам не знаю, какая участь меня постигнет. Пусть вас Бог ведет и охраняет». При этом слезы появились на глазах почтенного священника. Он дал нам простую (крестьянскую) одежду, хлеба и сала и перекрестив, к вечеру отправил нас в путь.

С этого времени начинаются мои ужасные приключения. Мы долго раздумывали с братом, куда нам направиться среди таких опасных обстоятельств. Я знал добрых стариков, проживавших в Грековом леску, что вблизи Умани, гуляя часто заходил к ним. Но мы знали, что около этого леса взбунтовавшееся казаки расположились табором. Но что же делать? Призвав Бога на помощь, мы решились пробраться туда. Шли мы окольным путем, ярами, окруженными скалами, то и дело прячась за скалы и прислушиваясь, и только эхо стонов и криков отражалось от скал, но мы дошли благополучно до первого пункта нашего бегства. Здесь надеялись мы спрятаться у знакомых нам добрых стариков, но к несчастью в хате никого не было. Не теряя времени, мы направились дальше, придерживаясь правой стороны Умани, чтобы таким образом удалиться от Грекового леса. По дороге присоединился к нам наш *родственник Воюдзкий*, молодой человек, тоже воспитанник базилианской школы.

Ночь и следующий день мы провели среди хлебов, у нас же при том был пока запас харчей. Но запас наш был невелик и нужно было идти дальше. Когда настал вечер, мы пошли дальше окольными путями и набрали на какой – то ярке. В ярке был ставок, гребля и млынок.

Издали мы увидели огонек в мельнице, мы подошли к ней потихоньку и увидели там человека, спавшего около огня. Свита его загорелась от огня. Нам стало жаль его и, вбежав в мельницу, мы стали топтать ногами горевшую свиту. Этим мы разбудили спавшего пьяного человека. Проснувшись, он стал кричать; «а, вы вражи диты, хтилы свитою мене задушити», Напрасно мы старались объясниться, напрасно ука-

звали на обгоревшую свиту, он схватил топор и хотел меня ударить по голове. Но я имел перевес в борьбе с выпившим человеком, отнял у него топор и бросил в воду. Тогда он схватил лежавший вблизи кол и так меня ударил по голове, что я упал, лишившись чувств. Не знаю, каким образом я уцелел. К утру только я пришел в себя. Моего брата и моего родственника уже здесь не было и я не знал, что с ними случилось. Я еле поднялся на ноги и потянулся в глубь хлебов. Там я отдохнул, поблагодарил Бога за мое спасение и подкрепил свои силы зерном, вытертым из колосьев, так как другой пищи у меня не было.

Здесь я прерву рассказ о дальнейших моих приключениях для того, чтобы объяснить настоящее.

В то время, когда я лежал без чувств возле гребли, там шел один из «директоров» уманской школы. Увидев мертвое тело, он стал присматриваться к нему при свете луны и узнал меня. После, желая придать больше достоверности своему об этом рассказу, он сообщил и мое школьное прозвание Ромуальд Шестопалек, меня – же действительно так называли, так как у меня два больших пальца на правой руке. Присматриваясь, он перевернул меня и помог мне таким образом прийти в себя, передвинув на более влажное место. Из его рассказа видно, что и мельник, считая меня убитым, выволок меня из мельницы».

Этим и окончил мой отец рассказ того дня, так как он подвергся нервному припадку. Это с ним случалось до самой смерти со времени случая, о котором речь.

На другой день мой отец так продолжал свой рассказ:

«Потеряв около мельницы скромный запас харчей, и чувствуя потребность подкрепить свои силы чемнибудь более существенным, чем зерно, вытираемое из колосьев, к вечеру я стал приближаться к одному селу. Выглядывая из хлебов, я заметил хату, стоящую в стороне. Я направился к ней, но лишь только я приблизился к воротам, выскочил небольшой хлопчина с головой, завязанной окровавленным платком и вооруженный длинным «ожогом». Это был дрючок (кол), заостренный по образцу копыя и обожженный на конце. Мальчик бежал направив на меня свой дрючок, как бы желая меня заколоть. Но стоявшая вблизи женщина схватила мальчика на руки, отнесла его в избу и заперла. Ободренный поступком этой женщины, я стоял на месте. Женщина подошла ко мне и спросила, чего я желаю.

– Пищи и убежища, ответил я,

– Пищи я дам, но укрыть тебя не могу, да и не советую искать здесь убежища. Всё село взбунтовано и вооружено в списы, ножи и ружья,

а младшие поделали себе ожоги в роде того, что ты видел у моего сына, и колют жидов и ляхов.

Женщина вывела меня за свою усадьбу и велела мне там поджидать, пока не принесет харчей. Я не доверял ее обещанию, перешел на другую сторону леска и поглядывал из-за кустов. Но скоро я увидел, что она идет одна и несет завернутый обильный запас пищи. Ободренный, я направился на указанное мне место, а она придя положила узелок на земле и сказала: вот тебе пища. Там был борщ с кашей, хлеб, сало и фляшка горилки. Выпив чарку водки, я принялся за яство с возбужденным аппетитом. Оставшийся хлеб и сало женщина приказала мне забрать с собою и советовала не задерживаться долго, так как она боится, что ее выдаст ее сынок.

В то время, когда я ел, она разговаривала со мной ласково, по-русски; я ей отвечал на том же языке. Улыбаясь, она мне сказала:

– Почему не говоришь ты по-польски? Хотя ты одет и по мужицки, никто тебя не признает за мужика: ты выглядишь совсем не так, как наши, ты не загорел, да при том будь ты мужик, тебе – бы не за чем и укрываться.

Не желая, чтобы она оставалась при этом мнении, я сказал, что я служил дворовым человеком и перешел в католическую веру, а потому и скрываюсь. Она и этому не поверила, но сказала:

– Кто – бы ты ни был, уходи дальше и да ведет тебя Господь благополучно!

После этого она ушла.

Такая доброта и обходительность этой женщины среди взбунтовавшегося люда меня тронула, но я должен был послушать ее совета. Уйдя подальше, я забрался в глубь хлебов на ночлег и помолвившись лег спать. После вкусной пищи и чарки водки я уснул так крепко, что на другой день проснулся только с восходом солнца.

Проснувшись, я пошел по тропинке, пролежавшей около места моего ночлега. Став на дороге, я начал рассматривать местность. Я хотел пробраться в с. Соколовку, которую арендовала моя тетка. Я там бывал во время вакаций и знал тамошних крестьян. Они мне казались добрыми и расположенными для «двора» людьми; у них я надеялся найти убежище.

Рассматривая местность, я и не заметил, как из близ лежащего ярка приближался ко мне пароконный воз. На нем ехали крестьянские бабы, лошадкой погонял дюжий мужицкий парень. Бежать было слишком поздно. Я посторонился и, став спиной к дороге, начал креститься по православному обряду и бить поклоны. Но и это не помогло.

— Гей хлопче! закричал возник, сдержав лошадей и соскочив с воза. Я оглянулся.

— А ты ляшок, вражий сыну! сказал возник, посмотрев на меня строго. Я ответил, тоже

по-русски, что он ошибается.

— Брешеш, сякий-такий сыну; не так выглядиш, як наша вира, сказал он в ответ и обраться к одной из женщин, крикнул:

— Ярино, дай но мени ножа, спрягну цёго ляшка!

Женщины начали упрекать, ругать и просить его, говоря, что он не дозволять проливать кровь невинную. Они уверяли, что я несомненно их веры, иначе не говорил бы так хорошо на их языке. Не смотря на это, парубок ударил меня крепко кнутовищем по плечам и стянул с меня свиту и сапоги; а затем, достав из воза жидовский «лапсердак» с висящими внизу «торочками» и накинув на меня, сказал:

Ось в цим тоби до-ладу, бо ты чорт знае якои виры. Подякуй цим жинкам, що тебе оброрили од смерти. А як що ты нашои виры, то не повинен ты у твоих литах литом ходити у чоботях.

Тут последовал взрыв смеха со стороны женщин, осматривавших мой костюм. Взглянув на себя, я и сам вторил им мимовольно.

На прощанье возница ударил меня несколько раз кнутом и тронул лошадей, я – же, скрываясь от людей, спрятался в хлебах и провел целый день без пищи.

К вечеру бросив «лапсердак», я пошел мановцами (окольным путем) и приблизился к какому – то хутору. Там я заметил старика, сидящего в пасеке. Голод понуждал меня к смелости. Подойдя к плетню, я сказал: «добровечер! Слава Богу!» и просил старика подойти ко мне. Добродушный вид старика осмелил меня. Я решил просить у него какую – нибудь свитку, рассказывая, что я посыльный и что на дороге украли у меня свиту, а спешить мне необходимо. Старик слушал терпеливо мой рассказ, расспрашивая, откуда и куда меня послали. Я отвечал, как мог. Старик покачал головою и сказал:

— Добре по-нашому говориш, але то не правда. Ты не нашои виры, видно по тоби. Але ты мене не бийся; я не гайдамака; я маю душу.

Он дал мне свитку, хлеба и сала и отпустил меня, говоря: – Иди собі з Богом, бо и тут крутяться недобри люде.

Переночевав в хлебах, по утру я направился к цели моего путешествия. К полдню я уже был в Соколове.

Проходя селом, я никого не заметил на улице, но так как это был воскресный день, то я догадывался, что я застану всех около корчмы и направился туда смело. Около корчмы было действительно много народа. Я начал приветствовать знакомых. Все закричали:

– А то паньч! треба и его так почаствувати, як инших ляхив и жидив.

Меня окружили, толкали, тянули за во-

лосы, давали мне прозвища. Легко догадаться, каких прозвищ можно ожидать от пьяного и взбунтованного «простацтва». Корчма была уже пуста; я не видел никакой возможности спастись. Просьба, напоминания знакомства, плачь – все это не действовало. Ожидание неминуемой смерти отняло у меня все силы, я стоял, как мертвый. Среди громады стоял старик, опершись на посох.

– Панове – громада, сказал он, вашого пануванья сим днив, а вишанья буде на сим лит.

– Не знати, що старый говорить, старость помишала ему вже ум, закричали все и прибавили, что так как я ихний панич, то они меня сами не лишат жизни, а пошлют в Умань и попросят кого нибудь из старшин, чтобы им прислали кого для расправы.

Старик покачал головою, говоря: «таки по-моёму буде» и поплелся потихоньку.

Последняя надежда на мое спасенье исчезла. Меня схватили за волосы и бросили в погреб, находившийся вблизи корчмы, заперев двери его на замок. Погреб был переполнен жертвами разного возраста и пола из шляхты и жидов. Насилу я мог пробраться в глубь его. Я должен был стоять, так как сесть было негде. В темноте слышались только стоны и плачь. Так провели мы ночь, молясь и вручая себя Божию милосердию.

По утру отперли дверь нашей узницы. Поочередно вытягивали из погреба за волосы по одной жертве. Остававшимся в погребе слышны были выстрелы, раздававшиеся всякий раз. После нескольких выстрелов кто-то сказал: «а деж наш паньч? пора вже прыйшла и на него, нехай не мучиться в лёху». Меня отыскали и вытянули из погреба таким же образом, как и других, а затем привели к развалившейся клуни, из которой остались одни столбы. Тут я увидел несколько Козаков с «янчарками» и вздрагивавшие еще трупы убитых. Мне завязали глаза и привязали к столбу. В то время, когда у меня еще были руки свободны, я перекрестился, предавая душу мою Богу. И действительно я испытал действие чудотворного его заступничества.

– Чекайте, я вам щось скажу, закричал я.

Старший из казаков, надеясь, вероятно, что я открою какое нибудь сокровище, велел развязать мне глаза. Тогда, по вдохновению Провидения, я начал петь русскую песнь, которую я певал в церкви у базилиан: «Пречистая Диво-Мати руського краю». Я повторял ее без перерыва несколько раз. Песнь эта так тронула старшего казака, что слёзы у него хлынули из глаз. Он велел отвязать меня от столба и сказал:

– Шкода его губити, визьмить собі его за дячка, нехай вам у церкви спивае.

Он велел пропеть еще раз песню, погла-

дил меня по голове и рекомендовал быть верным. Я обещал, благодаря за помилование. Громада спросила козака, что делать с остальными, оставшимися в погребке.

– Напились вже доводи крови, отвечал он пустить и тех, та нехай ему подякують, що своєю писнею спас их од смерти.

Трогательно было смотреть с одной стороны на освобожденных жертвы, которые более походили на мертвецов, чем на живых и, рыдая, бросались к стопам атамана и моим, благодаря за их спасение, с другой на лежавшую кучку не остывших еще трупов. Я имел таким образом и то удовольствие, что голосом своим спас от гибели столько людей.

Этим и окончились приключения мои в тот день. Козаки уехали, а меня завели в церковь и отдали под надзор старшему дяку.

Я очень недолго исправлял обязанности дячка. После усмирения гайдамачества российскими войсками, дяки из окрестных сел ходили в российский лагерь «колядовать». Пришла очередь и на Соколовку. Мой ближайший начальник звал и меня вместе с целым кружком своих подчиненных и рекомендовал петь хорошо, угрожая в случай послушания церковным наказанием. Поневоле я должен был идти. Когда мы очутились в лагере, я напрягал всю силу моего голоса, чтобы угодить моему начальнику. Мой голос заинтересовал капитана команды; он слушал с удовольствием и велел повторить мне одному спетую песнь. Капитан внимательно ко мне присматривался, потом спросил, как меня зовут.

– Роман Рылиенко, подхватил мой начальник.

– Молчи, дурак не тебя спрашивают, крикнул капитан.

Дяк замолчал, опустив голову. Капитан велел мне говорить, прибавляя, чтобы я не боялся, что он видит, что я не «простой кондиции» и что он берет меня под свое покровительство. Ободренный речью капитана, я сказал ему свою фамилию и приключения, вследствие которых я должен был оставаться дячком. Этот рассказ удивил его и, казалось, тронул. Он разругал сурово моего начальника, велел ему идти прочь, а меня оставил в своей палатке.

Но не долго продолжалась обманчивая учтивость капитана. Узнав, что я играю на «торбане», он переделал меня козачком, велел петь плясать, играть на гитаре и отдать под надзор своим деньщикам. С ними я должен был и жить. Наконец капитан заявил мне, что так как я круглый сирота, потому что мои родители и родственники, по его словам, погибли будто-бы все во время резни, то он из сострадания возьмет меня к себе в имение в курскую губернию, недалеко от г. Рылска. Он обещал, что мне там будет хо-

рошо, что я там познакомлюсь с моими однофамильцами, князьями Рылскими, лишь бы я хорошо исполнял должность надсмотрщика за его именем. Бежать из лагеря было не возможно, и я обещал исполнять в точности его поручения.

На другой день капитан отправил меня в кибитки с своим собственным кучером, дав на дорогу полтинник и обещал хорошее годичное жалованье.

Сердце у меня сжималось в виду нового моего положения, и я не питал уже никакой надежды на освобождение из этой неволи; потому перед кучером я старался казаться веселым и очень довольным предложением капитана. Кучер, вероятно наученный, расхваливал доброту, щедрость и богатство своего барина. Так обманывая друг друга, мы доехали до Елисаветграда.

Снискав доверие моего надсмотрщика, я попросил у него позволения пойти на базар для покупки вяленой рыбы. Он дал мне десять грошей на харч, говоря, что это он делает по поручению своего господина. При этом он повторял похвалы его щедрости и доброты, хвалил и меня за то, что я добрый малый и умел снискать его расположение.

На базаре какой-то господин заметил меня и подошел, говоря: «здравствуй, Ромуальд!» Я не помнил этого лица и боясь какой-нибудь новой измены, отказался от своего имени. Тогда он сказал мне мою фамилию и прибавил, что он выслан Квиткевичем отыскивать его родственников и друзей, что брат мой Антоний и родственник Воюдзкий находятся в доме здешнего управляющего. Этот рассказ возбудил во мне доверие к рассказчику и я сдался на его попечете. Он привел меня в дом управляющего, где я с радостью увидел своих родственников. Отсюда управляющий отправил меня к моим родителям, которых я застал в живых. Капитанский кучер, не дождавшись моего возвращения, ворвался, было, за мною в дом управляющая, но там, отколотив порядком, прогнала его. Благодаря Провидению, этим и окончились мои приключения».

Что настоящий рассказ моего отца верно и точно записан, я ручаюсь, так как за время рассказа я вместе с моими сестрами делал заметки, по которым и списал настоящий рассказ.

Кроме этого рассказывал мой отец о несчастном случае, постигшем в тоже время сестру его, Елену Воюдзкую, мать упоминаемого Воюдзкаго.

Во время уманской резни она бежала было к родственникам своим на Вольнь. У нее было два грудных ребенка – близнецы. На дороге она остановилась в одной корчме. В это время в корчму прибежала шайка гайдамаков – козаков. Добрая кормилица, желая спасти ее, отдала ей свое платье, сама-же, взяв на себя одежду госпожи, бежала с детьми в близлежащей кустарник.

ІСТОРИЯ ПЕДАГОГКИ В ОСОБАХ

Но это не помогло. Красота Воюджкой выдала ее. Прибежавшие козаки начали приставать к Воюджкой, сидевшей в корчме в одежде кормилицы. Они заставляли ее пить с ними водку, а когда она отказывалась, стреляли над ее головой, угрожая смертно. Один из Козаков, узнав Воюджкую, обратился к ней со словами: «здорова, Галько!» Слезы ее и память добрых ее поступков тронули козака. Он начал рассказывать другим, как она помогала бедным, как часто своими просьбами освобождала людей от наказаний. При этом он заявил, что не дозволить, чтобы с ней случилось малейшее зло. На это грозное заявление – это был атаман шайки – один из козаков сказал: «коли даруешь життя матери, отдаймо – ж ей и дити». Козаки разбежались сейчас отыскивать детей, и один из них принес ребенка на копье и бросил к ногам матери. Атаман наказал его сейчас – же «по-козацки». Изнывающая, с сердцем, переполненным отчаяния, бедная мать должна была продолжать путь с оставшимся в живых ребенком и кормилицею. Защитивший ее козак проводить ее несколько миль до места, откуда она безопасно могла продолжать свой путь.

В память чудесного спасения моего отца, я прилагаю упоминаемую песнь, которую он пел, и ноты.

кра - ю. Ты гриш ны - кив з тяж - кой му - ки ча - ю
че - рез тво - и збав - ляешь ру - ки, - не дай
про-пасти!

Пречистая Диво, Мати руського краю,
На небеси и на земли Тя величаю:
Ты гришныкив за тяжкой муки
Через свои збавляешь руки,
Не дай пропасти!
Тоби вси святии служат родице Бога,
И мы гришни славим Тебе вси, яко мога,
Цильмь сердцем. Нехай мило
Тоби служити душа, тило,
Мати чистая!
Хто невдячень ласки твоей, скажи, который
З-пид каменя для збавленья йдуть до горы?
Темных, хорых и уломных
Очищаешь тамь притомныхъ
Прошу жь, и мене
Май въ бачности и милости вирного слугу,
Не дай мени упадати въ велику тугу.
Скажи-жь тепер-колибь знати:
Що въ гришныкомь будешь дилати,
Пани ласкава!
Утикающихъ къ Тоби во всякой потреби
Знаешь и ихъ вспомагаешь, хотяй живешь у неби.
Не выпускай же на вики
Зь Твоей пресвятой опики
Мене гришного!